

Объявляется приём работ на Всероссийский конкурс литературной премии имени Венедикта Станцева

Всероссийская литературная премия учреждается в ознаменование памяти известного поэта-фронтовика Венедикта Тимофеевича Станцева (1922 – 2009) с целью поощрения современных авторов, верных литературным традициям писателей фронтового поколения, идеалам государственного служения отечественной литературе.

На соискание премии могут представляться сборники (цикла) стихов, посвящённые военно-патриотической тематике, художественному отображению подвига защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, стихи о солдатах и офицерах современной российской армии, а также произведения гражданской и любовной лирики, олицетворяющие собой человека-победителя, не сдающего обстоятельств судьбы, противостоящего разрушительным тенденциям эпохи.

Учредителями премии выступают Ассоциация писателей Урала, Союз писателей России, Екатеринбургское отделение Союза российских писателей и Е.В. Григорьева – дочь поэта В.Т. Станцева.

Конкурс проводится один раз в два года.

Выдвижение соискателей на премию имени В.Т. Станцева производит областные и окружные писательские организации Союза писателей России и Союза российских писателей, библиотеки, редакции периодических изданий, книжные издательства, учебные заведения и другие организации, а также сам оргкомитет.

Произведения участников принимаются до 1 апреля текущего года по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, д.12. Ассоциация писателей Урала. С пометкой: на премию имени В.Т. Станцева.

Для официального выдвижения соискателя на конкурс в оргкомитет должны быть представлены: письмо-заявка или выписка из протокола собрания (правления) выдвигающей организации; анкета соискателя и краткая творческая справка; три экземпляра выдвигаемого произведения. По возможности представляются критические статьи и отзывы о произведении.

Результаты конкурса публикуются в средствах массовой информации.

Предусматривается вручение одной премии размером 30000 рублей. По решению жюри премия может быть раз-

делена между несколькими конкурсантами. Также победителю вручается специальный диплом и нагрудная медаль лауреата.

Фонд премии формируется за счёт добровольного пожертвования средств со стороны соучредителей.

Церемонии награждения лауреатов конкурса планируются проводить один раз в два года в канун Дня Победы в торжественной обстановке.

Венедикт Тимофеевич Станцев, поэт, член Союза писателей СССР с 1965 года, родился в Турковском районе Саратовской области. В 1941 году окончил Валдайский учительский институт. Его отец, железнодорожный рабочий, был репрессирован. Потому В.Т. Станцев, призванный в Красную Армию в начале войны, на фронт был отправлен рядовым стрелком, затем стал пулемётчиком и командиром отделения. В сентябре 1944 года был назначен литературным сотрудником дивизионной газеты 3-й гвардейской стрелковой дивизии. Он участвовал в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда, в освобождении Донбасса, южной Украины, Крыма, во взятии Кёнигсберга; награждён двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги».

В литературу Венедикт Станцев вошёл сборником стихов «Роса на стволе».

До последнего своего часа он продолжал писать, будучи уже тяжело больным. Он принадлежал племде поэтов-фронтовиков и по уровню поэтического дарования, по уровню поэтического наследия должен был находиться в ряду других, всеюгодно известных, поэтов. Но – судьба провинциала! Он был известен только на Урале. В среде уральских писателей он пользовался исключительным уважением и любовью. Об этом говорит тот факт, что он, единственный из всех в среде молодежи, получил без преувеличения почётный титул «Дед Станцев». Его творчество отмечено Всероссийской премией имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, премиями имени П.П. Бажова, имени легендарного разведчика Н.И. Кузнецова, а также губернатора Свердловской области.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и журнал «Русский клуб» при поддержке и участии Союза писателей Грузии объявляют:

Конкурс молодых русскоязычных литераторов Грузии

Целью и задачами конкурса являются: поддержка молодых литературных дарований, популяризация художественного слова среди молодёжи Грузии, продолжение славных традиций русской и грузинской словесности.

Срок подачи заявки, краткой биографической справки и литературных произведений – до 31 марта 2011 года.

Победители и лауреаты конкурса будут определяться в двух возрастных группах: 1) от 17 до 25 лет; 2) от 26 до 40 лет.

Приём работ: конкурсные работы можно отправить по электронной почте: rusculture@mail.ru, а также представить лично по адресу: Тбилиси, пр. Руставели, 2 (служебный вход Театра им. А. С. Грибоедова, 8 этаж «Русский клуб»). Справки по телефону: 99 43 36; 99 77 06.

Лонг-лист будет оглашён в апреле 2011 года, шорт-лист – в мае 2011 года.

Церемония награждения победителей: обладатели Гран-при конкурса, лауреатов конкурса (по одному автору в каждой номинации и возрастной группе) и дипломантов (по два автора в каждой номинации и возрастной группе) – состоится в июне 2011 года.

Председатели жюри: Сергей Чупринин (Россия) и Маквала Гонашвили (Грузия). Члены жюри: Александр Эбаноидзе, Елена Исаева (Россия), Заза Абзанидзе, Владимир Саршвили, Бесо Хведелидзе, Михаил Лященко, Инга Гаручава, Петр Хотяновский (Грузия).

Обладатель Гран-при и лауреаты конкурса станут участниками V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля в Грузии.

Наиболее интересные авторы будут рекомендованы для публикации за пределами Грузии и для участия в международных книжных ярмарках и фестивалях за пределами Грузии.

Произведения авторов, вошедших в шорт-лист конкурса, будут опубликованы на страницах журнала «Русский клуб» и войдут в сборник по итогам конкурса.

Условия участия в конкурсе: к участию в конкурсе приглашаются все авторы независимо от места проживания – живущие в Грузии или являющиеся выходцами из Грузии, пишущие на русском языке, как начинающие, так и активно публикующиеся.

- Конкурс проводится по следующим номинациям: 1) проза (текст произведения не должен превышать 25 тысяч печатных знаков) 2) поэзия (стихотворная подборка – объёмом не более 200 строк, поэма – объёмом не более 300 строк) 3) стихотворный перевод с грузинского на русский язык (стихотворная подборка – объёмом не более 200 строк, поэма – объёмом не более 300 строк) 4) драматургия (кино-, теле- и театральная, объёмом не более 60 тысяч печатных знаков)

Юрий Конопляников является для меня загадкой своими миниатюрами, которые суть оригинальнейшая форма его дара.

Причём, признаться, прежде я не понимал, почему это случается – случается постоянный мой внутренний анализ феномена его миниатюр.

Дело в том, что, казалось бы, такого быть не должно и тому нет повода: ведь и миниатюры автора с виду ясны и просты, и сам он неоднократно уверял, что предпочитает безыскусственную простоту и ясность письма. Я же отношусь к ясности и простоте диаметрально противоположно. По мне, иная простота, а может, уже и вся совокупная простота, в том числе в литературе и в культуре, хуже веровства.

Мне, напротив, нравится сложность и неясность. Ведь победная поступь простоты и ясности в литературе и вообще в культуре уже настолько громогласна и тяжело-топота, что сокрушаются и рассыпаются в прах величественные культурные столпы.

Почему? Потому что царит право вольности, а для большей выгоды нужно, чтоб продукт культуры приобретало как можно больше людей, а для этого нужно, чтоб культурный продукт был понятен всем, а не только бакалаврам наук. Отсюда повсеместные требования продюсеров от культуры, чтоб было просто и ясно. Но простота и ясность – могильщики всего прекрасного и возвышенного. Какой процент населения слушает Баха? Два процента; остальные 98% предпочитают разношерстную попу, – сходно как Матиссу предпочитают комиксы. Недаром и христианство, сложнейшее понятийное и эмоциональное учение, сопровождается конфессиональными и сектантскими толкованиями, то есть, по сути, выхолощенным, упрощённым концептом христианства. Отсюда характерные гримасы прошлой и нынешней этической инквизиции.

Мир сложен, невероятно сложен, поэтому для его понимания нужно усилие. Так оно и есть. Всё прекрасное и трудно, и редко, сказал Цицерон. Ведь всё, что ясно и просто, это, по определению, то, что понятно всем. А зачем, например, мне уже мне понятно, то есть уже пережитое и усвоенное умом и чувством? Ведь оно уже во мне, и поскольку оно не улучшило ни мою, ни всеобщую жизнь и стоит, стало быть, на уровне пищевых продуктов, поддерживающих жизнедеятельность, что с него? Зачем мне в такой степени ясно и простое, что похоже на рутину ежедневных приёмов пищи? Хлеб насыщенный я куплю в магазине. Духовная пища – это нечто иное. Она дана феномену человек. Люди стали людьми благодаря путеводному духу, который открывал восприимчивому неведомые ранние перспективы и выковывал собственно род людской. А что эта ковка человеческого материала была мучительной и сложной и никогда не исходила из ясного и простого, свидетельствует факт из истории богословия. Долго и мучительно выработался, например, халкидонский орос (вероопределение 451 года), поскольку в человеческом языке искали самых точных и ёмких понятий и слов для выражения сложнейшей метафизической, превращающей материальные горизонты христианской истины. Вот цитата из этой потрясающе глубокой философской формулы, по которой нуж-

но понимать Христа «в двух естествах неслиито, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо и одну ипостась». Проста и ясна ли эта формула? Не ясна, она даже и разрушает традиционную систему мышления, зато является для человечества путеводной.

Поэтому я и предпочитаю непростое и неясное, где бы прослеживалась ищущая мысль и дерзающее чувство, дышащаяся смыслом бытия, который достигают лишь колоссальным напряжением сил души.

Какое же отношение, на фоне вышесказанного, имеет к проблемам бытия творчество Юрия Конопляникова?

Непростое. Он один из самых ярких, пусть, вероятно, и не осознающих это, выразителей кошмара и трагедии существования, хотя в его миниатюрах не льётся кровь и не происходит тотальных убийств. Каким тогда образом он – выразитель? Да хотя бы по той самой своей бескомпромиссной принципиальной установке на ясность и простоту.

Казалось бы, противоречие: как ясность и простота, которые я невысоко ставлю, тут же следом превращаются в ключ к истине? Думается, вот как. Юрий Конопляников принципиально в своих миниатюрах отказывается от общепринятых художественно-идеологических образов. Ведь что в так называемых образах современной литературы, удостаиваемых премий и наград разного уровня? А там как бы талантливо, в модных образах изображается подлинная как бы жизнь. Там якобы неподдельно реальная духовная атмосфера, в которой живут современные, там якобы вся палитра их доминирующих чувств, умонастроений, поветрий и убеждений, симпатий и идей. Там как бы самая что ни на есть реальность подлинности со всеми её атрибутами, а именно: с как бы наличием некой тайны, как бы придание произведению дополнительного измерения; с как бы многозначительными рассуждениями, как бы наполняющими интеллектуальное пространство произведения. Всё, в общем, в таких произведениях призвано придать описываемому достоверность, чтобы не оставалось сомнения, что изображённая данность есть единственно верная и возможная и есть чуть ли не сама окончательная истина.

Что делает прозаик Юрий Конопляников? Он производит дистилляцию. Этот термин в общих словах означает очистку от примесей. Компьютерная программа Adobe Distiller, к примеру, пропускает сквозь себя огромные по объёму и внутренним связям файлы и выдаёт незначительные по объёму файлы с итоговой информацией. И пусть некто работал годы, пусть приложил весь свой талант и энергию, Adobe Distiller проигнорирует всё промежуточное и выдаст голый итог, который, несмотря на предварительный гигантский труд, может оказаться ничтожным. Гора, коротко, рождает мышь. Почему я говорю это здесь? Потому что произведения некоторых авторов порой предстают наполненными всеми спектрами жизни, да и сама наша жизнь порой представляется нам сложнейшим сплетением наших якобы ярких чувств и мыслей, значительных дел и свершений, но потом Distiller истории или Distiller постороннего взгляда выводит неутешительный итог нашей заурядной судьбы. И мы тогда понимаем философа, сказавшего о человечестве, одураченном величием своих представлений о мире, что оно ест, пьёт, гадит, размножается, говорит бессмысленные слова и убеждено, что его жизнь есть единственная, последняя и окончательная реальность.

Конопляникову выпало быть Дистиллером культуры, а если точнее – Дистиллером культуры морюков, поскольку вся наша ясная и простая культура, не улучшающая человека, а ведущая к апокалипсису, что мы и наблюдаем, есть мёрзок, ни-

тельности. Он убирает культурный, в широком смысле слова, реквизит со сцены своих фабул. Зачастую реквизит в его миниатюрах вообще отсутствует, поскольку автор видит в нём ложный покров, скрывающий так нужную всем нам суть. Герои его миниатюр действуют в приземлённых условиях, не заискивая у высоких материй, и в итоге остаются неподдельно окончательная правда в духе Экклезиаста, сообщающего, что всё из деяний человеческого суета сует и что одна правда человека в том, что он рождается, ест, пьёт и умирает.

Вот почему дух миниатюр Юрия Конопляникова рождает их с великой поэмой «Мёртвые души» Николая Васильевича Гоголя, где герои ведут существование ясное и простое, однако внушающее лично мне и любому чуткому сердцу безысходное отчаяние монотонной рутинностью. В своих миниатюрах, повторюсь, Конопляников выступает, вслед за великим предшественником, выразителем ужаса бытия, где мы действуем, как автоматы, управляемые неведомой силой, и самообольщаемся пустыми вещами да выдумками. Так что по прочтении в голове стоит один вопрос: что с человеком происходит? куда завела нас ясность и простота упростиательства? где и когда мы потеряли пыл дерзаний и стремление к истине? кто отравил нас интеллектуальным и душевным равнодушием и ядом самоумнения? Когда нас придавила безысходность и отчего мы свалились в освещённую потусторонним светом об-

реальности. Таким нестерпимым мертвенным человеческим блеском сплетая и гоголевские сочинения, что признавать проничительные критики. И «Мёртвые души» полны оттенков, образов, эмоций, смеха, но, как известно, это смех сквозь слёзы, печалование о превратно и ложно проживаемой жизни, сожаление о ходячих «мёртвых душах».

Конопляников, кстати, обозначая своих героев инициалами реальных людей, всегда подчёркивает, что они, его герои, не есть проекция реальных людей, что, собственно, герои его миниатюр – это то, что получилось после авторского художественного анализа их бытия с точки зрения вечности. А получились – инициалы в качестве указателей на некие анимированные объекты, оперирующие несколькими то же на поверку малозначимыми в аспекте истинной жизни фазамми в какой-то межумоучной, окультуренной человеком по своим понятиям среде, освещённый резким, но мертвенным светом, каков и есть человеческий рукотворный свет, не озарённый лучами истины.

Юрий Конопляников доводит обранные миры своих миниатюр до бескомпромиссного примитивизма. И тут начинается парадокс, который не постичь, не отдав себе отчёт, что истина парадоксальна по сути, что она есть совпадение противоположностей что, к примеру, описав все триста шестьдесят градусов, мы получим нуль градусов и что Христос через Смерть даровал нам Жизнь.

Дело в том, что, в отличие от иной про-

ющая нам глаза своей чистой, дистиллированной живой водой святая простота, за которой уже ничего нет и распахивается Сам Бог во всей сверхсложности Его антимии, когда Он одновременно есть Свет и Мрак, Начало и Конец, Прелюд и Бескрайность, Зло и Добро, Имена и Безымянность.

Редко кому удаётся, не прибегая к велеречию, сказать о человеке правду. Конопляникову – удалось. Хотел он или нет, но, сделав невероятный акцент на афористике, почитаемой нами за вершину человеческого интеллекта, доведя принципы художественной ясности и простоты до их логического конца, то есть опустив их, словно лот, сквозь мутные пучины самообольщений культуры, он открыл нам, подобно Гоголю, что ларчик нашей жизни пуст; он, как Гоголь, открыл нам страшную правду о несостоятельности и катастрофичности нашего способа мышления и наших век от века прогрессирующих деяний; он открыл нам кошмар и безвыходность нашего популистического состояния. Он, вслед за Гоголем, напомнил, что «скучно жить на этом свете, господа», даже если мы и упиваемся своими эмоциями и измышлениями, даже если мы и относим себя к культурной элите. И если соль соли земли такова, задают вопрос конопляниковские миниатюры, то что тогда стоит человечество? И если конопляниковские миниатюры каждой своей строкой смеются, то это опять же вопрос нам, но и ответ: «над чем смеётся? над собой смеётся!»

Дальше так нельзя, говорит автор, – говорит, может, в противовес самому своему культурному опыту.

Так что у этих, в отличие от многих иной прозы, как бы красиво и с наслаждением описывающей средние области бытия, «золотой, по Аристотелю, средине», – у этих на первый взгляд предельно упрощённых и прояснённых вплоть до кристального примитивизма миниатюр Юрия Конопляникова, как бы некрасиво и без самообольщения описывающих крайности бытия, есть метафизический оборот: очищенная от культурных морюков картина человечества. И конопляниковские все эти U.D. N.N. I.Z. и прочие закодированные типажии так же грустны и пугающи, как гоголевские корючки, чичиковы, маниловы et cetera...

Не ошибись и не превеличи, сказал, что, содной стороны, конопляниковские миниатюры суть эпилот и эсхатология глобальной культуры в широком смысле, а с другой – предисловие к Истине.

Вспомним пословицу: surgunt indocti et fariunt caelum, или приходят неучёные и завоевывают небеса. Так говорил бл. Августин о тех, кто, не имея изысканного образования, именно поэтому и способен постичь сложнейшую христианскую истину, поскольку не одержим авторитетными предубеждениями своей образованности. И вот, следуя этой мысли великого отца Церкви, нужно, как Юрий Конопляников, сомневаться в авторитете человеческой мудрости, нужно не поклоняться культурным идолам, нужно не быть зачарованным эстетикой культурных морюков.

Нужна предельная безыскусственность в мыслях и в поступках.

И тогда Небеса – твои.

Игорь НИКОЛЕНКО

* Культура здесь понимается как система образов, мировоззренческих констант, совокупность ценностей и ориентиров, принятая человечеством в качестве вех своего развития; вообще как особое состояние мышления и поступков человечества после утраты первозданного состояния.